

ФИЛОСОФИЯ В РОССИИ

УДК 230.1 (470) "15" : 234

А. Ю. Григоренко

Иосиф Волоцкий и Максим Грек: сравнительный анализ учений о спасении души

Иосиф Волоцкий и Максим Грек – выдающиеся богословы Древней Руси. Изучение трудов Иосифа Волоцкого позволяет прийти к выводу, что он осуждал упования на спасение человека посредством свершения добрых дел. По его мнению человек спасается посредством чистой веры и покаяния. Максим Грек, напротив, подчеркивает значение «добрых дел» для спасения души. Сравнительный анализ их творчества позволяет прийти к выводу, что Максим Грек сознательно полемизировал по этой богословской проблематике с Иосифом Волоцким.

Iosif Volotskiy and Maxim Grek are outstanding theologians of Old Russia. Studying the works by Iosif Volotskiy we can conclude that he condemned expectations for the salvation of man through performing “good deeds”. In his opinion, a person is saved through the pure faith and repentance. Maxim Grek, on the contrary, emphasizes the importance of «good deeds» for the salvation of the soul. Comparative analysis of their works allows to come to the conclusion that Maxim Grek deliberately disputed with Iosif Volotskiy on this theological issue.

Ключевые слова: Вассиан Патрикеев, Иосиф Волоцкий, Максим Грек, монастырь, спасение души.

Key words: Vassian Patrikeev, Iosif Volotskiy, Maxim Grek, monastery, salvation of the soul.

Иосиф Волоцкий. О роли и значении Иосифа Волоцкого в русской истории написано немало. Его богословские представления проанализированы достаточно глубоко и детально. Но его воззрения на тему спасения души изучены все же явно недостаточно.

Первое сочинение, написанное Иосифом на эту тему, это «Сказание о спасительных и душеполезных книгах» (полное название –

«Сказание, имущее свидетельство от Божественных Писаний, о спасительных и душеполезных книгах, о Сенанице и о Повседневном Поминании, како подоба нам о сих попечение имети и какова польза бывает от сего живым иже и умершим душам» [5, с. 127–131]. Основной мыслью «Сказания» является идея о полезности и необходимости поминальных служб, определяющаяся попечением о судьбах усопших. Мироощущение Иосифа Волоцкого, как это видно из прочтения памятника, определялось прежде всего мотивами вечности, которая противопоставлялась им суетному и быстротекущему настоящему времени.

В этом трактате Иосиф Волоцкий со свойственной ему прямоотой, откровенностью и недвусмысленностью пишет о том, что вклады по душе являются источником монастырского благосостояния. Получаемое таким образом монастырское богатство, согласно его мыслям, должно было использоваться на строительство церквей, украшение их иконами и фресками, а также и на другие монастырские нужды. Помимо этого имущество монастырей являлось источником помощи бедствующему крестьянству и хорошим подспорьем в организации их хозяйства, так что практика вкладов по душе являлась своеобразным перераспределением доходов в пользу нуждающихся. Таким образом, хозяйственная жизнь страны определенным образом освящалась и приобретала нравственный христианский смысл, которого не хватало светским владельцам лесных, пахотных и рыбных угодий. В этом плане «Сказание» Иосифа как бы являет собой всецело религиозную и благочестивую программу дальнейшего развития «экономической жизни» Руси.

Данные идеи «Сказания» вызвали критику со стороны тогдашних противников волоцкого игумена – новгородско-московских еретиков и части монашества Руси, которых в научной литературе принято называть нестяжателями [6]. Мысли Иосифа Волоцкого о том, что поминальные службы являются источником благосостояния монастыря понимались ими как искажение христианских заповедей о нестяжании.

Для того чтобы лучше разобраться в характере и существе полемики вокруг «Сказания», следует внимательно прочитать его, имея в виду и критическое отношение к нему его оппонентов.

Основные идеи «Сказания» следующие:

1. «Всяко убо писание богодухновенно и полезно есть...», – писал Иосиф Волоцкий. Но лучшие для спасения книги – это «Синодики» (списки поминаемых в монастырях лиц, предисловием к которому и является данное «Сказание»): «Сиа убо спасительные книги всех божественных писаний полезнейши суть» [5, с. 127].

2. Далее в тексте эти мысли аргументируются следующим образом: «Всяко убо божественное писание живыа ползует и к добродетелем наказует и божественных заповедей хранение узаконополагает». «Сия ж спасителныа и душеполезныа книги и по смерти ползуют умерших душа» [5, с. 128].

3. Спастись и избавиться от вечной муки совершаемыми при жизни добрыми делами невозможно, поскольку человек грешен по своей природе, воля его немощна и от юности он склонен ко злу: «Есть убо яко неудобь приведен к добродетели род человеческий и заеже сладоности греховней притужаше, праваго житиа не разящих нас, понеже прилежне прилежит человеку помышление на лукавое от юности его» [5, с. 131]. Спастись можно, как учит Писание, посредством свершения добрых дел и жизнью по божественным заповедям. Но исполнить «Господни заповеди» человек, будучи грешным, не в силах. Не выполнившего же их, «по смерти мучения ожидают». Поэтому остается, по сути дела, единственный и исключительный путь спасения и избегания загробных мучений. И путь этот – «Синодик»: «Сих же ради душеполезных книг и спасительных имама избавиться вечныа муки и сподобитися вечных благ в будущем веце» [5, с. 131].

4. В самом конце «Сказания» Иосиф утверждает, что существуют два пути спасения. Первый путь – это, как говорит Папа Римский Григорий (Двоесловец, Беседовник – в церковнославянской традиции, Великий – в католической): «Аще прежде смерти сами жрътва Богу будут». Но этот путь, говорит Иосиф, не выполним, ибо тогда «длъжни есмы убо настоящий мир възненавидети... и с слезами Богови на всяк день жрети жрътвы чистою и непорочною съвестию...». Но «мы ныне изнемогохомъ и не приходим в сеа меры, еже быти сами прежде смерти жрътва Богу...», – пишет Иосиф Волоцкий. И приводит второй и лучший для спасения путь – следует вписаться в «Синодик», то есть сделать так, чтобы за усопшего после смерти приносили жертвы и заупокойные службы:

«Но понеже убо не можем прежде смерти сами быти жрътва Богу, приводим вторую (второй путь спасения – А.Г.): сиречь длъжни есмя всяко тщание и попечение имети, еже и по смерти себе же и друг другу помощь сътворити священною и божественною жрътвою, плотию и кровию Христа и сими спасительными и душеполезными книгами» [5, с. 131].

5. «Синодики» являются наилучшими книгами еще и потому, что обеспечивают весь «монастырский доволь». Вот красноречивые слова Иосифа Волоцкого (подчеркивание наше – А. Г.):

«В нынешнем же веце бывает и монастырское създание, и божественна церкви съставление. И еже в ней всяческих и божественных вещей устроение, и украшение всечестными иконами, и еже на стенах писанием, и животворящими кресты, и божественными Еуангелии, и священными съсуды, и святыми ризами, и всеми вещми церковными, еже от злата и сребра и бисера сътвореными, и святыми книгами. И сих ради бываеть весь церковный доволь: и священником же, и диаконом, и всем церковным служителем, и всеи братеи телесный покой, пища же, и питие, и одежда, и обуца, и келейное устроение, и еже в келиах всяческих нужных вещей доволь, еще же и села, и вертограды, и реки, и озера и пажити, и вся животная и четвероногая» [5, с. 130].

Идеи Иосифа Волоцкого о лучшем пути спасения вызвали решительную критику со стороны тогдашнего митрополита Зосимы, которого волоцкий игумен в дальнейшем назвал еретиком и вел с ним непримиримую идейную борьбу, в результате которой митрополит был вынужден оставить свой митрополичий престол. Зосима, как это явствует из принадлежащей ему рукописи, настаивал прежде всего на том, что для спасения прежде всего следует жить в соответствии с божественными заповедями и свершать добрые дела. Также он утверждал, что, несмотря на греховность, человек обладает свободой воли («благим произволением»), что, собственно, и обуславливает возможность человека жить в соответствии с высокими евангельскими нормами [4, с. 196–225].

Это спор побудил в дальнейшем Иосифа Волоцкого создать более развернутую концепцию спасения, изложению которой он посвятил четвертое «слово» «Просветителя» – своего главного богословского сочинения, посвященного основным принципам христианского вероучения [1, с. 95–117]. Эта концепция несколько необычна для катехизического православного учения о спасении и потому заслуживает внимательного и пристально анализа.

Учение христианства о спасении человека является лишь частью совокупности основных принципов и норм, определяющих христианское мировоззрение в целом. Оно не может быть понято без учета христианских идей о творении Богом мира и человека. Согласно общепринятым в православии представлениям Бог сотворил мир в течение шести дней, создав в последний день «венец творения» – человека, сотворив его «по образу своему и подобию».

Концепция Иосифа Волоцкого, в целом совпадая с каноническими представлениями православия о творении мира, обладает рядом существенных особенностей. Иосиф Волоцкий специально подчеркивает и последовательно аргументирует мысль, что создание человека, как «венца творения», не входило в изначальный план Бога. Изначально Бог замыслил поставить в центре мироздания Первоангела – Люцифера, возглавлявшего «собор всех ангельских иерархий». Перед Первоангелом была поставлена цель соединения ангельского и земного мира, но он не выполнил данной задачи и, возгордившись, отпал от Бога:

«Сначала Он (Бог – А.Г.) создал бесчисленное множество невидимых агельских воинств <...>. Один из ангелов в безумии восстал против Создателя и отвортился от добра к злу; из-за этого он был лишен своей чести и сана, вместе с подчиненными ему ангелами, и был назван дьяволом, подчиненные же его были названы бесами» [1, с. 104].

И только после падения Первоангела, согласно Иосифу, Бог решил («восхотел») создать человека, чтобы он выполнил поставленную перед ним задачу и занял на небе место отступника:

«После Творец восхотел явить второе творение на земле, другого ангела, поклоняющегося Богу... от Себя вложил дыхание... и одарил свободой воли... и дал закон..., ибо вначале надлежало людям быть испытанными в соблюдении заповеди. Если человек соблюдет заповедь, то получит нетление, неизменное утверждение, совершенство и бессмертие и займет место отступника на Небе; если же он не соблюдет заповедь, то умрет смертью» [1, с. 105].

Как явствует из этого текста Иосиф считал, что Бог как бы создал человека вместо падшего первоангела и поставил перед ним задачу «занять его место» на небе, что очевидным образом противоречит наиболее распространенному воззрению, что создание человека как «венца всего творения» являлось изначальной целью Бога.

И только после того, как человек, искушаемый дьяволом, не смог исполнить поставленную перед ним цель и жить безгрешно, Бог принял решение о воплощении Сына Божьего, чтобы спасти «свое первородное дитя» от греха и власти дьявола:

«Смотри, что Он совершает, что Отец говорит сыну... “Должно Тебе, о Единородный Мой Сын и Слово, сияние Моей славы, должно тебе облечься в тленного человека и принять в Себя всего Адама; должно Тебе быть распятым, пострадать, сойти в ад, оттуда вывести человека; как дьявол перехитрил человека, так и Тебе следует перехитрить дьявола Своей мудростью”» [1, с. 106].

Предложенная Иосифом Волоцким концепция творения мира противоречит представлениям о том, что создание человека, как «венца творения» было задумано Богом изначально. На первый взгляд, она воспринимается как не в полной мере каноничная. Но это не так. Вот что писал в 1935 году митрополит Русской православной церкви Сергей:

«...первоначально человек отнюдь не создан был занять такое исключительное, центральное положение в творении и промыслении Божиим, какое он занял лишь потом, с вочеловечением Сына Божия». Также и воплощение Сына Божьего, согласно митрополиту Сергию, не было замыслено изначально: «В этом смысле с точки зрения намерений и желаний Божиих падение человека и вызванное им вочеловечение сына Божия можно назвать случайностью, внесенной в первоначальный план мироздания свободной тварью»¹.

Согласно митрополиту Сергию, человек отнюдь не был задуман Богом как «венец творения», Бог создал его как лишь «одну из ста подробностей своего мироздания». Совпадение концепций творения, предложенных митрополитом Сергием и Иосифом Волоцким, как видим, практически полное. Как замечает В. Н. Лосский, митрополит Сергей, излагая свою концепцию творения, критиковал «антропоцентрическую точку зрения» [2, с. 97] софийного религиозного учения Сергия Булгакова на человека как на существо божественное, и стремился всячески показать, что, напротив, человек есть существо немощное и грешное. Так же и для Иосифа Волоцкого человек был в первую очередь существом падшим и немощным. Отсюда становится понятным, что «антропоцентрическая точка зрения» была чужда и Иосифу Волоцкому.

Воплощение Сына Божиего, как считал Иосиф, открыло человеку ряд путей спасения – это, прежде всего, крещение и исполнение заповедей. Но Бог знал, «что мысли человека от юности склонны ко злу, из-за чего и после крещения мы будем грешить». Поэтому он «дал нам святые заповеди покаяния». Дальнейший текст этого «слова» Иосифа посвящен обоснованию идеи о том, что Бог спасет не столько за дела, сколько ради веры, так что «не делающему... как благоразумному разбойнику, вера вменится в праведность без дел».

Вывод Иосифа Волоцкого о путях спасения следующий: «так человек, унизив себя, спасается Божьим человеколюбием: не деятельными добродетелями, но сокрушением сердца, глубиной смирения и теплой верой». В самом конце этого «слова» Иосиф Волоцкий пишет, что «не трудам, но простоте и смирению является Бог...» [1, с. 116].

---

¹ Цит. по: [2, с. 99].

На склоне своих лет Иосиф Волоцкий вновь вернулся к размышлениям о путях спасения, но на этот раз исключительно для монашесствующей братии – в пространной редакции своего монашеского «Устава». В этом сочинении он подчеркивал, что жизнь в монастыре должна основываться на строгом послушании и безусловном исполнении всех уставных правил и норм. И отсюда делал вывод, что это для монашесствующей братии есть самый «эффективный» путь спасения, «гладкий и простой».

Максим Грек (Михаил Триволис) – гуманист, известный деятель эпохи Возрождения, а также (с 1516 г.) выдающийся религиозный деятель Руси позднего Средневековья. Во время своего пребывания в Италии он познакомился со многими известными гуманистами, среди них – Анжело Полициано, Марсилио Фичино и Иоанном Ласкарисом. Под впечатлением проповедей Джироламо Савонаролы принял решение постричься в монахи, затем оказался в монастыре на Афоне. В 1516 г. по просьбе Василия III прибыл в Москву для оказания помощи в переводе Толковой Псалтири.

В Москве вокруг Максима Грека постепенно сформировался кружок единомышленников, в который входили В. М. Тучков-Морозов, И. Д. Сабуров, Ф. Карпов и др. С Максимом Греком был знаком и сотрудничал известный нестяжатель того времени – Вассиан Патрикеев, с которым он обсуждал многие злободневные проблемы церковной жизни Руси. На церковных соборах второй трети XVI в. Максим Грек был осужден в неправомыслии и в результате заточен в Иосифо-Волоколамском монастыре.

Во время пребывания на Руси Максим Грек перевел немало религиозных трактатов и книг Священного Писания, написал целый ряд сочинений по тем или иным религиозным вопросам. В целом ряде своих трактатов он касался вопросов, которые были в центре нестяжательско-иосифлянкой полемики, в том числе и проблемы спасения души. Причем по всем аспектам данной проблемы мнение его почти всегда было прямо противоположным соответствующим воззрениям Иосифа Волоцкого.

Религиозным основанием сотериологических воззрений Максима Грека было представление о высоком, божественном достоинстве человека, как созданного по «божью образу и подобию». Практически во всех своих сочинениях Максим Грек подчеркивал, что свобода воли является основополагающей чертой человеческой природы, божественным даром, отличающим его от всех прочих тварей. Человек, считал Максим Грек, должен неустанно держать в своем уме ту «бо-

жественную цель», ради которой он и был создан «Богом по образу Его». Человек есть образ Божий, а потому и должен думать о том, чтобы приобрести «первообразную доброту» и направлять свою жизнь по Божественным заповедям. Цель человеческой жизни – это приобретение в себе «всех красот Первообраза».

Понятно, что воззрения о человеке Максима Грека радикально отличались от соответствующих представлений Иосифа Волоцкого, для которого человек есть существо в первую очередь падшее и грешное, а не божественное. Вопреки волоцкому игумену Максим Грек писал, что не следует уповать на молитвы над усопшими, поскольку «подвиг добродетели установлен в этой жизни» [3, с. 4]. Если Иосиф Волоцкий не уставал повторять, что жить согласно божественным заповедям невозможно и поэтому остается только уповать на милость Божию и молитвы над усопшими душами, то Максим Грек, напротив, настойчиво подчеркивал, что к спасению ведет не пространый, а узкий путь: «Под узким же путем разумей, душа моя, понуждение к исполнению святых заповедей...» [3, с. 14]. Жизнь, согласная божественным заповедям, по Максиму Греку – это прежде всего нестяжательная жизнь. Главные добродетели заключаются в том, чтобы «миловать нищих, живущих в скорбях...» [3, с. 20]. Главное же зло – это «презирать их». Основная черта монашеской жизни – это не черные одежды, пост и продолжительные молитвы, «а только исполнение заповедей» [3, с. 25]. «Ведь только ради исполнения заповедей, – писал Максим Грек, – были установлены все молитвы, пощения, бдения, уединения; и потому ничем этим не хвались, если пренебрегаешь исполнением заповедей» [3, с. 27].

Как бы специально вопреки Иосифу Волоцкому, утверждавшему, что невозможно монахам стремиться к исполнению божественных заповедей, ибо воля человеческая немощна, – Максим Грек подчеркивал необходимость для монаха стремления к их исполнению:

«Обещавшись Господу своему при пострижении в монашество исполнить делом все святые Его заповеди, старайся всею силою быть выше всех суетных попечений этой жизни...». И не стоит уповать на то, что одна лишь вера может спасти человека, «ибо вера без добрых дел мертва есть...» [3, с. 61]. Вера же, согласно Максиму Греку, становится действенным только тогда, когда «является основанием всех вообще добродетелей» [3, с. 96].

Вышесказанное убеждает нас в том, что Максим Грек сознательно критиковал иосифлянские представления о спасении души. Более того, внимательное чтение его сочинений позволяет предполагать, что он был знаком с соответствующими трактатами Иосифа Волоцкого, в частности с его «Сказанием о спасительных и душеполезных

книгах» и с пространной редакцией «Устава», в которых Иосиф Волоцкий писал о том, почему человек не может выполнить божественные заповеди, ибо люди слабы («понеже убо мы ныне изнемогохомъ» и «неудобъ приведен к добродетели род человеческий»), а также и о том, что монашеское послушание и выполнение всех норм и правил монастырского Устава есть «гладкий и простой» путь спасения.

В связи с этим предлагаем обратить внимание на следующий весьма показательный отрывок из сочинения Максима Грека «О том, как должно проводить иноческую жизнь, и что исполнение евангельских заповедей есть истинный страх Божий» (подчеркивание наше – А. Г.):

«Все́м этим мы достоверно научаемся, что начало премудрости, то есть спасения души, есть страх Божий, который заключается в соблюдении святых Его заповедей... А кто склоняется к душепагубной мысли, что де ныне люди слабы по естеству и необходимо снисходить человеческой немощи, то и я скажу тому тоже; только снисходить можно в том, в чем снисхождение не противно заповедям Божиим и не нарушает отеческих иноческих уставов, которые заключаются в нестяжании, в безмолвии, в жизни беспечительной, в несребролюбии, в нелихоимстве, в смиренномудрии и кротости, в любви нелицемерной, в милосердии и жалости ко всем находящимся в бедах... Но об этом достаточно сказанного для тех, которые искренно любят шествовать тесным и прискорбным евангельским путем..., а для тех, непокоряющихся истине евангельской и хвлящих пространный путь, мною достаточно сказано в ином слове...» [3, с. 254–255].

Данный текст, в котором критикуются представления о слабости человеческой природы, немощи человеческой воли и невозможности жить согласно божественных заповедей позволяет нам считать, что Максим Грек сознательно выступил против концепции спасения, предложенной Иосифом Волоцким, в том числе и против его представлений о «гладком и простом» пути спасения.

Список литературы

1. Иосиф Волоцкий. Просветитель / пер. подгот. Е. В. Кравец. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского монастыря, 1993.
2. Лосский В. Н. Боговидение. – М.: АСТ, 2003.
3. Максим Грек. Сочинения. Ч. 3. – М.: Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1996.
4. Рукопись митрополита Зосимы // Троицкое собрание. № 122 (1829).
5. Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479–1510-е годы) / Подготовка текста и исследование Т. И. Шабловой. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.
6. Смирнов М. Ю. Динамика религиозных организаций в дореволюционной России: исторический и статистический обзор // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – М., 2010. – № 3. – С. 15–36.